

циалистов из управления промкооперации, облместпрома, облфинотдела, работавших в этих системах коммунистов и с участием работников райкомов ВКП(б) и райисполкомов. Итогом этих проверок, охвативших 537 предприятий и артелей из 577, стали новые факты о частном предпринимательстве [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 85. Л. 35, 100]. Аналогичные меры предпринял Саратовский обком партии, уделивший особое внимание проверке работы 339 объектов местной и кооперативной промышленности [ГАНИ СО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 727. Л. 27–28].

В результате проверок с января по сентябрь 1948 г. в народные суды было передано в Астраханской области — 61, а в Саратовской — 70 дел [Кузнецова 2002: 118]. В ряде случаев следственные органы отказывались возбуждать уголовные дела ввиду отсутствия юридических оснований. В обеих областях были заменены отдельные председатели артелей, закрыты частные цехи, надомники переведены на предприятия. По мнению партийных органов, кампания дала возможность в значительной мере очистить промысловую кооперацию и местную промышленность от частнопредпринимательских элементов, повысить трудовую дисциплину, улучшить выполнение производственных планов [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 84. Л. 37; ГАНИ СО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 727. Л. 30]. Фактически же кампания не имела экономического эффекта и носила ярко выраженный политический характер.

В Сталинградской области, где местная и кооперативная промышленность находились в стадии возрождения, факты, подобные вскрытым в соседних областях в 1947–1948 гг., не были обнаружены. Отдельные случаи частнопредприниматель-

ской деятельности были выявлены лишь в 1950 г. в Камышине, Калининском районе и кооперации инвалидов [ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 33. Д. 1. Л. 76; Д. 52. Л. 7].

Попытка путем силового воздействия победить частника оказалась безрезультатной (частный уклад в советской экономике нелегально существовал вплоть до перехода к рыночным отношениям на рубеже 1980–1990-х гг.) и негативно отразилась на промысловой кооперации: количество создаваемых артелей резко сократилось. У рядовых граждан стало еще меньше легальных возможностей реализовать идущую снизу экономическую инициативу, играя по установленным государством правилам.

Источники

- Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИ СО).
Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО).
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО).

Литература

- Козлова И. О., Мочек Ю. И. Борьба с хищениями и злоупотреблениями в государственной торговле и кооперации: Сб. док. М.: Изд-во Госюриздат, 1956. 72 с.
Кузнецова Н. В. Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953). Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2002. 292 с.
Романовский Н. В. Наше непредсказуемое прошлое // Россия и современный мир. 1998. № 3(20). С. 35–47.
Чуваев Н. А. Симбиоз и конкуренция: частный кустарь-одиночка и промысловая кооперация в послевоенной экономике Алтая (1945–1953 гг.) // Исторический ежегодник: сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Рипэл, 2009. С. 191–202.

УДК 947.084.51

ББК 63.3(2)6

РЫБНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО БАССЕЙНА В 1918–1991 гг.

(опыт анализа эффективности партийно-государственного руководства отраслью)

С. В. Виноградов

Со времен Октябрьской революции началось мощное вмешательство государства в развитие рыбного хозяйства страны. Новая власть в 1918 г. национализировала рыбные промыслы. Согласно декрету II-го Всероссийского съезда Советов рабочих,

солдатских и крестьянских депутатов «О земле» и декрета ВЦИК от 27 января 1918 г., частная собственность на воды отменялась, и водные угодья передавались в исключительное распоряжение Советской власти [Декрет Второго Всероссийского съезда;

Декрет ВЦИК ... 1918]. По решению СНК РСФСР в октябре 1918 г. было образовано Центральное управление рыбными промыслами в России «Главрыба», а на местах, в том числе в Астрахани, — Областные управления по рыболовству и рыбной промышленности («Областьрыба»). С данного момента Советское государство начинает централизованное руководство этой сферой хозяйства [РГАЭ. Ф. 764. Оп. 1. Д. 2. Л. 98].

Рыбные промыслы были национализированы сначала на Волго-Каспии, а затем и в других рыболовных бассейнах по мере установления Советской власти. Многочисленные рыбопромышленные фирмы были закрыты, частная торговля рыбой запрещалась, на рыбных промыслах были введены институты политкомов и троек [Виноградов 2010: 140].

Одновременно вводилась продразверстка в рыбной промышленности, выражавшаяся в принудительном изъятии всей добытой рыбы и передачи ее Наркомпроду «для распределения в порядке госснабжения». Все вольные ловцы были объявлены государственными ловцами и переводились на паек. На речных промыслах, где было сосредоточено рыболовство в годы гражданской войны, «Областьрыба» стала заниматься объединением ловцов в совхозы [Виноградов 2010: 141].

Рыбная промышленность Волго-Каспийского бассейна стала полигоном для апробирования «военно-коммунистических» методов руководства отраслью. Положение усугублялось тем, что в период революции к руководству этой сферой пришли люди малокомпетентные в рыбном деле, но считавшие себя профессиональными революционерами. От непонимания многих особенностей организации рыбных промыслов Волго-Каспия социальные эксперименты периода «военного коммунизма» весьма болезненно сказались здесь на состоянии рыбного дела.

Серьезный удар по рыболовческому хозяйству был нанесен разделением его на три категории по классовому признаку: бедняк, середняк и кулак. Помощь оказывалась, прежде всего, первой категории, т. е. речному ловцу, имевшему плохое снаряжение и дававшее не очень много продукции на рынок. Наиболее продуктивная группа морских ловцов, которых партийные идеологи посчитали кулаками, осталась без государственной поддержки, без которой невозмож-

жен был рыбный промысел в тех условиях [Кисилевич 1924: 21].

Несмотря на все усилия, партийному руководству Астраханской губернии и «Областьрыбе» не удалось переломить ситуацию в рыбной промышленности. Проводимые «военно-коммунистические» меры не приносили желаемых результатов. В 1919 г. улов составил 153 тыс. тонн, в 1920 г. — 113 тыс. тонн. Это был уровень 60-х гг. XIX в. [ГАСД АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 18].

С 1921 г. формы и методы развития рыбной отрасли определялись в соответствии с общим направлением политики Советского государства в этот период, т. е. в рамках нэпа. Возрождение различных экономических укладов вело к их постоянному взаимодействию и конкурентной борьбе, в особенности это проявилось в тех сферах хозяйственной деятельности, где достигались высокие прибыли, в частности в рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна [Виноградов 2010: 141].

Отказ от всеобщей монополии государства на эксплуатацию рыболовных угодий означал отказ от методов хозяйственной политики периода «военного коммунизма». Он предполагал налаживание иных взаимоотношений между государством и рыболовческим населением на основе определенной свободы товарооборота. Ловцы снимались с положения государственных рыбаков (рыбак — несвободный ловец — С.В.) и могли распоряжаться уловом по своему усмотрению. Государство оказывало помощь рыболовческим хозяйствам в виде различных займов и кредитов по льготным ценам, продавало ловцам рыболовное снаряжение [Виноградов 2010: 141]. Получил развитие в рыбной промышленности в этот период и частный капитал (в 1925 г. доля частного капитала в уловах на Волго-Каспии составляла 30 %) [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 44. Л. 59].

Восстановление рыболовческих хозяйств, укрепление государственного сектора, деятельность частных предпринимателей, их взаимодействие и конкуренция между собой способствовали быстрому восстановлению рыбной отрасли в конце 1920-х гг. Многочисленные данные (архивные документы, пресса тех лет, свидетельства современников) показывают, что нэп способствовал быстрому восстановлению рыбного хозяйства Волго-Каспийского бассейна. Уже в 1926 г. рыбная промышленность бассейна достигла довоенного уровня.

ня, гораздо раньше общесоюзных показателей [Собгайда 1926].

В то же время опыт развития рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна 1920-х гг. показывает, что результаты деятельности частного капитала во многом зависят от целей государства в экономической сфере. Если существуют законодательная база, соответствующий инвестиционный климат, долгосрочные гарантии со стороны государства, то частный капитал станет мощнейшей созидательной силой, быстро двигающей экономику страны, обеспечивающей занятость значительного количества населения и питающей науку и культуру. Но если лишь слегка приоткрыть «экономическую дверку» как это было сделано партийно-государственным руководством СССР в 1920-е гг., не давая ни каких гарантий, при этом угрожать со страниц средств массовой информации, то, конечно, частный капитал не станет двигателем прогресса.

В этом случае предприниматели будут заинтересованы осуществлять краткосрочные вложения в те области, в которых прибыль будет максимальной, а оборот денег быстрым. В 1920-е гг. такими «привлекательными местами» для нэпманов стали скупка и перепродажа рыбы. Естественно, что такая деятельность частного капитала не могла принести большой общественной пользы и способствовала обогащению самих нэпманов и коррумпированных чиновников [Виноградов, Батрашев 2008: 130].

Не имея гарантий долгосрочной деятельности со стороны государства, частный капитал, облагаемый большими налогами, был вынужден уходить в сферу теневой экономики. Ее развитие сопровождалось коррупцией среди государственных чиновников и партийных функционеров, а также руководителей государственных предприятий [Ишин 2001: 260].

Именно это и происходило в Астрахани во второй половине 1920-х гг., поэтому, когда с 1927 г. руководством страны был взят курс на вытеснение частного капитала из промышленности и торговли СССР, в рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна его позиции оставались крепкими.

Имея опыт проведения «Шахтинского дела», «вскрытия смоленского гноиника» и др., сталинское руководство решило провести громкий политический процесс в

Астрахани, центре рыбной промышленности Волго-Каспия, в результате чего можно было одним ударом вытеснить частного из рыбной промышленности и наказать коррумпированных чиновников. Таковы были истоки громкого политического процесса, начавшегося в Астрахани весной 1929 г. и получившего название «Астраханщина».

Таким образом, этот процесс представляется как конфликт между укреплявшей свои позиции и стремившейся к полному подчинению экономики страны центральной властью, с одной стороны, и обогатившимися на спекулятивных операциях с рыбой частным капиталом и астраханским чиновничеством, с другой стороны, за контроль над самым мощным рыболовным бассейном страны [Виноградов, Батрашев 2008: 130].

В ходе борьбы с «Астраханщиной» вся рыбная промышленность Волго-Каспия (ведущего в то время рыболовного бассейна страны) была поставлена под контроль государства. С весенней путины 1929 г. частный капитал больше не допускался к рыбному промыслу [Ишин 2001: 260].

Отстранение частных предпринимателей из рыбного промысла было достаточно болезненным процессом, поскольку ушли опытные профессионалы своего дела. Это не могло не отразиться на функционировании рыбной промышленности Волго-Каспия. На расчищенной от частного капитала «ниве» Волго-Каспийского рыбного промысла летом 1929 г. началась работа по коллективизации рыболовецких хозяйств.

В начале 1930-х гг. произошли кардинальные изменения в жизни ловецкого населения Волго-Каспия, связанные с коллективизацией. Как и в сельском хозяйстве, коллективизация этой группы людей была связана с многочисленными перегибами и необоснованными репрессиями. Все ловецкое население было разделено на четыре категории: батраки, бедняки, середняки и кулаки. Как и в годы «военного коммунизма», под категорию кулачества попадал самый производительный морскойловец — ловец-стоечник.

Необоснованные репрессии, несправедливость и перегибы вызывали ответную реакцию: широко были распространены в ловецких селах различные формы пассивного сопротивления (порча ловецкой посуды и ловецкого снаряжения, умышленно бесхозяйственное его хранение, отсутствие

подготовки к весенней путине по ремонту флота и снаряжения, разборка и снятие моторов владельцами паромоторных и грузовых судов, агитация к подобным действиям других ловцов). В местах проживания ловецкого населения Волго-Каспия весной 1930 г. произошел ряд вооруженных выступлений, самым крупным из которых было Енотаевское восстание, жестоко подавленное властями.

«Астраханщина» 1929 г. и коллективизация 1930–1931 гг. привели к радикальным изменениям в рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна. Во-первых, был ликвидирован частный капитал. Во-вторых, в ходе коллективизации была отстранена от лова наиболее мощная часть морских ловцов, объявленных кулаками [Виноградов, Батрашев 2008: 133]. После этого основными «добытчиками» на Волго-Каспии стали мелкие и средние ловцы, объединенные в рыболовецкие колхозы (им принадлежала большая часть улова в Волго-Каспийском бассейне) и государственная рыбная промышленность, объединенная Волго-Каспийским государственным рыбным трестом. Он объединял государственные рыбные промыслы, всю рыбоперерабатывающую промышленность и рыболовный флот.

Окрепшему к концу 1920-х гг. государству понадобилась единая, мощная рыбная промышленность, что и было сделано с восстановлением в 1930 г. единого отраслевого управления «Союзрыба» и передачей всего рыбного хозяйства из разных ведомств в ведение Наркомата внешней и внутренней торговли СССР [Свод законов и распоряжений 1930].

В 1930-е гг. рыбная отрасль СССР в целом и рыбная промышленность Волго-Каспия в частности стали объектом крупных государственных инвестиций: были построены крупные рыбоперерабатывающие предприятия (например, крупнейший в отрасли Астраханский рыбоконсервный комбинат им. А. И. Микояна и др.), рыболовный флот насыщался сейнерами, плавучими рыбозаводами и т. д. [Сысоев 1977: 41–42]. Поскольку индустриализация вызвала огромный рост городского населения, становится понятным стремление государства развивать рыбную промышленность как источник дешевого белкового продукта для населения растущих городов истроек первых пятилеток.

Вместе с тем необходимо отметить, что уже в 1930-е гг. в СССР был взят стратегический курс на усиленное промысловое освоение открытых водоемов. Особенно перспективным в этом отношении представлялось развитие рыбной промышленности Севера и Дальнего Востока. Так увеличение вылова в 1930-е гг. в СССР происходило в результате возросшей добычи в открытых водоемах.

В годы войны с потерей части рыболовных районов на западе Волго-Каспийский бассейн являлся основным поставщиком рыбной продукции для фронта и всей страны, несмотря на то, что в 1942 г. боевые действия велись в непосредственной близости от рыбных промыслов и центров переработки рыбы. Вместо ушедших на фронт рыбаков их нелегкий труд взвалили на себя жены, родители и дети. Именно благодаря их самоотверженной работе рыбная промышленность бассейна успешно справлялась с государственными заданиями по производству рыбной продукции.

Как показывает анализ документов, в период войны резко ухудшились условия жизни работников рыбной промышленности [ГАСД АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 33]. В рыбацких селах часто отсутствовали товары первой необходимости, а введенные с начала войны талоны отоваривались с большим трудом. Положение усугублялось многочисленными нарушениями в системе Рыболовпотребкооперации, отвечавшей за снабжение рыболовецких колхозов. Вопросы снабжения рыбаков Волго-Каспия необходимыми продуктами в годы войны и в первые послевоенные годы постоянно вызывали недовольство среди рыбаков, которые требовали наведение порядка в этом вопросе.

Период 1955–1958 гг. стал поворотным в истории Волго-Каспийской рыбной промышленности. После 1958 г. уловы в бассейне (за исключением кильки) стабильно уменьшались, что привело к переориентации экономики регионов, прилегавших к Волго-Каспийскому бассейну, и крупным социальным изменениям. Волго-Каспий окончательно перестает быть одним из ведущих рыболовных бассейнов страны.

С начала 1930-х гг. в результате изменений общеклиматических условий и резкого увеличения хозяйственного изъятия воды из впадающих в Каспий рек уровень его упал почти на 2,5 м. Обсыхание и об-

меление больших и наиболее продуктивных участков моря ухудшили условия миграции, нереста и нагула рыбы, что неизбежно вело к уменьшению поголовья ценных рыб.

Уже с конца 1920-х гг. известные ученые-ихтиологи, например К. С. Кисилевич, В. Г. Собгайда и другие, которые с тревогой следили за нарастающей добычей рыбы в бассейне, говорили о необходимости строгого лимитирования вылова рыбы [Виноградов 2010: 142]. Однако руководители рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна пренебрегали этими предостережениями и продолжали наращивать объемы уловов. Тем более все правила рыболовства были смягчены в период Великой Отечественной войны.

Но так долго продолжаться не могло. В послевоенный период добыча рыбы в Волго-Каспийском бассейне все чаще давала сбои. Так было в 1945, 1947, 1950, 1952 гг. и т. д. Чтобы каким-то образом компенсировать недоловы красной рыбы и частиковых в конце 1940 и начале 1950-х гг., промышленники обратили свое внимание на кильку, которая стала последним крупным резервом Каспия [Лепилов 1996: 179].

На наш взгляд, серьезные геополитические изменения, произошедшие в мире после победы СССР над фашистской Германией, имели прямое влияние на успешное развитие рыбодобывающего комплекса страны. В результате Победы влияние СССР в мире резко возросло. Главное содержание развития страны первых послевоенных лет — это приобретение Советским Союзом статуса «сверхдержавы» [Данилов, Пыжиков 2001: 269]. Рыболовный флот «сверхдержавы» с 1947 г. вышел во все океаны мира, и началось освоение гигантских возможностей океанского рыболовного промысла.

Наличие современного промыслового флота с большой автономностью плавания в условиях действия принципа свободы рыболовства в открытом море позволило советским рыбакам успешно развивать активный морской и океанический лов в различных районах мирового океана. По количеству добываемой рыбы Советский Союз в 1950-е гг. стал одним из мировых лидеров, наряду с такими странами, как США, Япония, Перу.

В послевоенный период рыбная промышленность существенно укрепила свои позиции СССР на Балтике за счет присоединения Прибалтийских республик и Ка-

лининградской области. Это были районы с давними традициями рыболовства, наличием удобных гаваней, флота и развитой рыбоперерабатывающей промышленностью.

Все вышеперечисленные изменения вели к снижению роли Волго-Каспийского бассейна в общесоюзной добыче рыбы. С развитием активного вылова в мировом океане и ростом уловов кильки в среднем и южном Каспии удельный вес добычи рыбы в Волго-Каспийском бассейне в 1957 г. составил 7,5 % от общего улова страны и 45,3 % уловов в Каспийском море [Лепилов 1996: 318]. С развитием технологии производства рыбных консервов продукция океанических рыболовных районов смогла доходить до потребителя в любом районе Советского Союза. Можно предположить, что все эти факторы сыграли свою роль при принятии правительством решения о крупном гидростроительстве на р. Волге.

О том, что возможные негативные последствия гидростроительства на Волге были известны на самом «верху», свидетельствует выступление члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна на XIX съезде: «Гидростроительство существенно изменяет естественные условия размножения рыб в Каспийском и Азовском морях, выдвигает требование развернуть <...> промышленное разведение ценных пород рыб. Поэтому требуется строительство в широких масштабах заводов по рыборазведению и нагульно-выростных хозяйств» [Правда 1952].

Когда на чашу весов были положены, с одной стороны, возможность получения огромного количества дешевой электрической энергии для быстроразвивающегося промышленного региона — Поволжья, а с другой стороны, возможное сокращение и без того падающих уловов в слабоперспективном рыболовном бассейне, то правительство выбрало первый вариант. Сокращение уловов на Каспии с лихвой компенсировалось быстрорастущей океанской добычей рыбы. К тому же ценные породы каспийских рыб планировалось, как это явствует из выступления А. И. Микояна, восстанавливать через «заводы по рыборазведению и нагульно-выростные хозяйства».

В 1950-х гг. гидростроительство началось стремительно: плотина Куйбышевской ГЭС перекрыла Волгу в 1955 г., а плотина Волгоградской ГЭС — в 1958 г. В результа-

те уже к 1960 г. почти на треть сократилась добыча осетровых и частиковых рыб. По данным Каспийского научного института рыбного хозяйства (КАСПНИРХ), в результате гидростроительства на 63 % уменьшились нерестовые площади осетровых рыб, на 100% белорыбицы и на 50 % крупно-частиковых рыб [Ишин 2001: 334].

Резкое сокращение уловов привело к тому, что правительство заставило власти пойти на запрет морского лова, который осуществлялся поэтапно с 1962 по 1965 гг. по плану, разработанному Государственным комитетом Совета Министров СССР по рыбному хозяйству и учеными КАСПНИРХа (в 1966 г. уловы в море составили всего 10 %) [Ишин 2001: 433].

С конца 1950-х гг. менялся вековой уклад жизни для десятков тысяч людей, занятых (уже не в первом поколении) рыбным промыслом на Волго-Каспии. Они вынуждены были становиться овощеводами, бахчеводами, рисоводами и т. д. С 1950 по 1991 гг. число рыболовецких колхозов в Астраханской области сократилось со 139 до 31. Сокращалось и количество рыбаков, непосредственно занятых на добыче рыбы. Если в 1950 г. их было 17 176 человек, то в 1965 г. осталось чуть больше 6 тыс. человек. Аналогичный процесс происходил и в соседнем с Астраханской областью Денгизском районе Гурьевской области, где количество рыболовецких колхозов в 1950–1960-х гг. сократилось с 23-х до 9 [Ишин 2001: 447].

В 1970–1990-е гг. роль рыбной промышленности Волго-Каспия продолжала падать. В 2000 г. даже в центре некогда мощной рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна (Астраханской области) она составляла всего лишь 3,3 % от общего промышленного производства области [Жилкин 2001: 9].

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. История развития рыбной промышленности Волго-Каспия в советский период показывает, что система, сложившаяся в нашей стране в конце 1920 и начале 1930-х гг., включая структурную организацию управления, исходила, прежде всего, из идеологических постулатов построения коммунистического общества, была нацелена на достижение высоких результатов любой ценой, невзирая на экономическую целесообразность. Так, никакие аргументы

ученых, еще в конце 1920-х гг. забивших тревогу по поводу необоснованно высоких государственных заданий по улову рыбы в Волго-Каспийском бассейне, не принимались в расчет, что вело к быстрому истощению рыбных запасов в регионе.

Строго наказывая отдельных браконьеров, государство не обращало внимания на нарушения правил рыболовства со стороны своих же структур, допуская огромные переловы под теми или иными предлогами (необходимости индустриализации, восстановления промышленности, ускоренного строительства социализма и т. д.).

2. Сложившаяся система оказалась неспособной к изменениям в условиях бурной научно-технической революции второй половины XX в. В основе экономического развития СССР лежала гигантская интенсификация труда. Недостаточное внимание уделялось управленцам и инженерно-техническим работникам среднего и низшего звена, труд которых слабо стимулировался. В результате в новых условиях этот слой работников оказался неспособен не только генерировать и воплощать новые идеи, но и воспринимать и внедрять передовой опыт, что способствовало отставанию отечественной экономики.

3. Лучшим представителям советской управленческой школы в рыбной отрасли были присущи такие качества, как инициативность, исполнительность, широкое видение перспективы, беззаветная преданность любимому делу. Постепенно для успешного карьерного продвижения в промышленности необходимым стало и наличие членства в КПСС. Можно привести в пример десятки талантливых управленцев, которые, начав с самых низких ступеней, становились выдающимися руководителями рыбной отрасли, о ком до сих пор осталась добрая людская память в регионе (А. А. Ишков, М. А. Каракулькин, И. Г. Дуденков и др.). Именно таким руководителям рыбная промышленность обязана своими достижениями и успехами.

Вместе с тем необходимо отметить, что в исследуемый период большинство руководителей отрасли, находясь в плену идеологических догм, бездумно выполняя любые приказы, игнорируя опыт экономически развитых государств, способствовали (вольно или невольно) быстрому упадку рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна.

4. Кризису рыбной промышленности Волго-Каспия способствовали отдельные решения стратегического характера, принимаемые на уровне бывшего Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Так, например, строительство Куйбышевской и Волгоградской ГЭС, нарушавшие естественный процесс нереста многих видов каспийских рыб и приведшие к резкому падению уловов на Каспии. К этому необходимо добавить и то, что государственные задания, приводившие к ежегодным перепадам каспийской рыбы, принимались на самом высоком уровне, а выводы ученых о необходимости сокращения добычи рыбы и строгого соблюдения государственными организациями правил рыболовства в расчет не принимались.

5. Система не только обеспечивала необходимый порядок на производстве, но и могла создавать условия для самоотверженного труда. Благодаря героическому труду работников рыбной промышленности: рыбаков, моряков рыболовного флота, рабочих рыбокомбинатов и т. д. отрасль в 1920–1950-е гг. достигла определенных положительных результатов в своем развитии. Но узость управленческого мышления, слабое материальное стимулирование постепенно превратили социалистическое соревнование, стахановское движение, движение рационализаторов в формальность. Энтузиазм сменился пессимизмом и даже цинизмом, выгоднее стало работать недобросовестно, меньше интересоваться производственными делами. Соответственно слабела и трудовая дисциплина, снижалась производительность труда.

В таком понимании проблемы видится и главный итог проведенного исследования, во многом поучительный для нынешнего времени. Освещение аналогичной тематики на материалах других регионов покажет, насколько близка по своему содержанию история Волго-Каспия к истории других рыболовных бассейнов страны. Накопление фактического материала позволит сделать

обобщения, характеризующие роль и значение рыбной отрасли в общем развитии экономики страны в XX в.

Источники

- Государственный архив Астраханской области* (ГА АО).
Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО).
Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Литература

- Виноградов С. В., Батрашев Д. К.* Судьба частного рыбного промысла в 1928–1929 гг. // *Вопросы истории*. 2008. № 2. С. 130–134.
Виноградов С. В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики / ред. В. С. Лельчук. М.: Голос, 1996. 175 с.
Виноградов С. В. О некоторых проблемах промышленности Волго-Каспийского региона в период новой экономической политики // *Научная мысль Кавказа*. Ростов-на-Дону. 2010. № 4. Ч. 2. С. 140–143.
Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы / ред. А. С. Сухопаров. М.: Наука, 2001. 354 с.
Декрет Второго Всероссийского съезда Советов о земле от 26 октября; Декрет ВЦИК от 27 января (9 февраля) 1918 г. о социализации земли // *Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства*. М., 1918. № 25. С. 3–25.
Жилкин А. А. Экономика региона / ред. Л. П. Иванова. Астрахань: изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 2001. 178 с.
Ишин В. В. Исторический опыт партийно-государственного руководства рыбной промышленности Российской Федерации в 1918–1991 гг. (на материалах рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна) / ред. О. С. Карпукхин. М.: Прометей, 2001. 530 с.
Кисилевич К. С. К вопросу о восстановлении ловецкого хозяйства // *Наш край*. 1924. № 1. С. 15–52.
Лепилов В. П. На просторах Волго-Каспия / ред. И. С. Медведик. Элиста, 1996. 417 с.
Собгайда В. Г. Развитие ловецкого хозяйства Астраханской губернии в 1925–1926 гг. // *Нижнее Поволжье*. Саратов, 1926. № 1. С. 11–23.
Правда. 1952. 12 октября.
Свод законов и распоряжений № 17 от 26 марта 1930 г. М., 1930.
Сысоев Н. П. Экономика рыбной промышленности СССР. М.: Пищ. пром-сть, 1977. 469 с.